

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

УДК 378.4 (5 Н.16)

*А.Н. Жеравина*ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Статья посвящена исследованию жизни студентов университета на базе материалов заседаний Совета университета, Томской городской думы, библиографического словаря «Профессора Томского университета», а также периодических изданий конца XIX – начала XX в.

В последние десятилетия наметился заметный отход от традиционного для советской историографии принципа изучения истории томского студенчества с учетом в основном его участия в революционном движении.

В диссертации Л.И. Смокотиной, защищенной в 1994 г. и посвященной социально-экономическому положению томских студентов в конце XIX – начале XX в., был впервые использован богатый опыт дореволюционных авторов в исследовании данной проблемы. Они имели возможность непосредственного наблюдения за жизнью студентов и были хорошо знакомы с их нуждами.

Л.И. Смокотина проделала значительную работу по определению основных сюжетов избранной темы исследования, имеющих самое непосредственное отношение к повседневной жизни, и тех, кто на рубеже XIX–XX вв. учился в университете.

В дополнение к тем материалам, которые дошли до нас еще с дореволюционного периода в виде выступлений представителей университетской администрации, профессоров университета на заседаниях его Совета, публикаций в периодических изданиях дореволюционного Томска, сегодня заметно расширились возможности для более полного освещения повседневной жизни студентов университета. Выход в свет многотомного библиографического словаря «Профессора Томского университета», составленного коллективом молодых исследователей исторического факультета Томского государственного университета под руководством профессора С.Ф. Фоминых, дает возможность в значительно большей степени исследовать повседневную жизнь студентов в ее конкретном проявлении на примере судеб многих питомцев университета конца XIX – начала XX в.

На это время приходится начало становления и развития высшей школы в Томске. С открытием здесь университета в 1888 г. город превратился в один из самых известных в стране. Томск оказался в совершенно особом положении благодаря разрешению только здесь принимать в число студентов и выпускников духовных семинарий. Министр народного просвещения пошел на это, исходя из того, что при допуске в Томский университет только выпускников гимназий прием студентов «может оказаться настолько малым», что «не будет соответствовать пользе, приносимой новым учебным заведением» [1. С. 7].

В начале 1898 г. среди студентов университета были выпускники восьми сибирских, шести Европейской Рос-

сии гимназий, пяти сибирских и сорока двух Европейской России духовных семинарий [2. С. 12–13].

Семинаристы преобладали в числе студентов до 1908 г. Из 166 врачей первых трех выпусков было 107 воспитанников семинарий Европейской России.

Если в течение многих лет в университет поступали в основном из-за Урала, то к 1913 г. – больше всего из Западной Сибири [3. С. 99–100].

В подавляющем своем большинстве студенты университета были выходцами из малообеспеченных сословий. В этом состояла одна из причин большого их отсева. За 1888–1913 гг. из 5021 поступивших на медицинский и юридический факультеты окончили университет 1605 чел. За эти годы по разным причинам выбыло без окончания университета более 2,5 тыс. чел. [4. С. 12].

На Томский университет при его открытии большие надежды возлагались в плане участия его сотрудников в исследовании природных и естественных богатств Сибирского края путем организации научных экспедиций, которые признавались Министерством народного просвещения «весьма полезными и... даже неотложно необходимыми» [1. С. 10, 11].

А что касается роли университета в подготовке врачей для работы в Сибирском регионе, показательно, что из 166 врачей первых выпусков более половины (91) остались на службе в Сибири [1. С. 9].

Повседневная жизнь студента прежде всего определялась его материальной обеспеченностью. Но лишь незначительная часть студентов могла рассчитывать на получение стипендии. Из казны стипендией в 300 руб. обеспечивались лишь 20 студентов.

Еще до открытия университета, начиная с 1877 г., на капиталы, пожертвованные разными обществами и лицами, было учреждено 20 частных стипендий. К 1913 г. их число выросло за счет учреждения с 1888 г. еще около 40 стипендий (в размере от 100 до 427 руб. [4. С. 14]).

Совершенно очевидны трудности подавляющего большинства студентов из малообеспеченных сословий, к тому же оказавшихся в такой дали от родительского дома. Поэтому для них особое значение имели новые пожертвования, служившие источником для учреждения частных стипендий [5. 1895. С. 45; 1896. С. 4; 1898. С. 103].

По данным за 1897 г. студенты получали, кроме 20 казенных, 35 частных стипендий, находившихся в распоряжении правления университета, 24 стипендии из ведения различных учреждений и обществ вспомоществова-

ния учащимся. Одна стипендия в размере 102 руб. 75 коп. была назначена местными управлениями по соглашению с правлением университета [4. С. 17].

В декабре 1894 г. несколько студентов обратились в Томскую городскую думу с прошением о назначении им «пособия из стипендии, учрежденной в память 200-летнего юбилея царствования Петра I». Эта стипендия была учреждена в размере 300 руб. На 1895 г. городская дума выделила из этой стипендии сумму студентам III курса А.Ф. Хиллю и К.В. Купрессову в размере 75 и 150 руб. и первокурснику В. Коржавину – 75 руб. [6. С. 686, 687].

В 1897 г. правлением университета и в городской думе решался вопрос (уже не в первый раз) об оказании материальной помощи студенту А. Колосову.

Уроженец Томска, он поступил в университет по окончании Томской губернской гимназии в 1893 г. С 1895/96 уч. года получал стипендию в размере 152 руб. 20 июня 1897 г. он был отправлен в с. Бердское по совету томских врачей в сопровождении матери для лечения от нервного расстройства. В пути следования из Томска на пароходе пытался, бросившись в воду, утопиться. Пробыв в с. Бердском до 2 июля без всякой пользы для здоровья, А. Колосов был привезен матерью в Томск. Обследовавший его профессор В.М. Курлов определил заболевание студента в острой психической форме, соединенной с манией преследования. В то время в Томске еще не было возможности для лечения такого заболевания, студента следовало направить в Казанскую психиатрическую больницу.

Для матери А. Колосова, имевшей в Томске небольшой дом, который приносил в год 25 руб. дохода, было непосильно взять на себя расходы, связанные с отъездом сына для лечения в Казань. Она обратилась в правление университета с просьбой выслать в Казань стипендиальные деньги, которые причитались из назначенной ее сыну стипендии имени Александра II. Правление университета дало согласие на высылку стипендии с 1 июля по 1 октября. В свою очередь оно просило городскую думу оказать матери студента материальную помощь, а также внести в правление университета за текущее полугодие «лекционную плату».

Томская городская дума приняла решение о внесении в правление университета за студента Колосова плату «за слушание лекций» в течение 1897/98 уч. года. Будучи студентом V курса, с начала 1898/99 уч. года, А. Колосов перешел в Казанский университет.

Освободившаяся стипендия имени Александра II была назначена студенту Антону Лисовскому, уроженцу Томской губернии, получившему диплом об окончании университета в 1900 г. [6. с 1891 г.; С. 1265–1268; 1898 г. С. 232–233; 3. С. 175].

Материальные трудности многих студентов были настолько широко распространенными, что при возникновении вакансий на стипендию подавались прошения от нуждающихся студентов, многократно превышающие число вакансий [5. С. 98].

Поэтому в большинстве случаев прошения о назначении или увеличении стипендий не удовлетворялись. В сентябре 1908 г. вдова ст. сов. Г.Х. Наумова просила городскую думу увеличить ее сыну И.Н. Наумову стипендию как внуку основателя Общественного банка по слу-

чаю поступления его в университет и о одновременном пособии на обмундирование в размере 120 руб. Городская дума постановила просимое пособие выдать, а в увеличении стипендии отказать [7. № 202. 18 сентября].

Выходец из семьи священника, выпускник Тамбовской духовной семинарии А.М. Никольский был направлен на учебу на казенный счет в Петербургскую духовную академию. Но он, решив стать медиком, в 1902 г. поступил в Томский университет. С III курса получал стипендию Восточной Сибири (300 руб. в год), затем стипендию имени потомственного почетного гражданина Л.И. Кузнецова (250 руб.). Будучи студентом V курса, в течение года исполнял должность ординатора за плату по найму в госпитальной хирургической клинике. По окончании университета в 1908 г. с отличием был зачислен в штат университета, став впоследствии профессором кафедры болезней уха, горла и носа [8. С. 323–324].

Не всем стипендиатам удавалось пройти полный курс обучения в университете. В октябре 1892 г. по просьбе студента И.И. Дьякова, представившего удостоверение «о своих успехах и поведении ... в виду неимения средств для продолжения учения» Томская городская дума постановила выдать ему половину городской стипендии (150 руб.) на 1893 г. Видимо, из-за материального положения с 1894 г. он не смог продолжать учебу [6. 1891. С. 295–296].

Не дошел до получения диплома и студент V курса М.А. Николаев, которому по его заявлению городская дума назначила стипендию имени Петра I на первое полугодие 1902 г. [6. 1898 г. С. 1013].

Не оказался среди выпускников юридического факультета П.В. Боржим, которому на 1902/03 уч. год, когда он учился на III курсе, была назначена городская стипендия в 300 руб. [6. с 1898 г. С. 1216].

В порядке назначения на стипендии возникали проблемы. В течение ряда лет для сохранения стипендии достаточно было в среднем по успеваемости иметь отметку не менее 3,5 баллов. Студенты, назначенные на стипендию, имели право получать ее в течение 3 лет. Это лишало возможности получения стипендии студентами, которые в те же годы по всем предметам сдавали экзамены на 5. Ученый совет университета в 1894 г. высказал предположение о необходимости подвергать испытанию стипендиатов в конце каждого года и даже по окончании III курса, требуя от них в среднем не менее 4 баллов [5. 1894 г. С. 83–84].

Позднее, в 1899 г., и Томская городская управа занялась разработкой проекта правил для стипендий, учрежденной городской думой при юридическом факультете в размере 300 руб. в год из отчисляемых ежегодно городских средств г. Томска вплоть до образования капитала, собранного на это по подписке. Согласно разработанным правилам на стипендию могли претендовать только студенты университета при успеваемости не менее 4 баллов в среднем при отличном поведении [6. 1898 г. С. 290–292].

Существенную статью расходов в студенческом бюджете составляла плата за обучение. В августе 1892 г. Совет университета высказался за признание всех практических занятий на медицинском факультете «на будущее время» бесплатными. Ректор профессор А.И. Судаков обратился в Министерство народного просвещения с

ходатайством об освобождении студентов от платы за практические занятия. Министр, «не находя возможным согласиться на удовлетворение такого ходатайства», в январе 1893 г. сообщил ректору, что вопрос о размере платы со студентов университета за слушание лекций и за участие в практических занятиях уже рассматривался в министерстве в 1885 г. Оно «циркулярным распоряжением» от 1 ноября того же года разъяснило попечителям учебных округов, что со студентов «следует взимать как за каждую лекцию теоретическую, так и за практические упражнения на всех факультетах, кроме медицинского, по 1 руб. за недельный час в полугодие, на медицинском, ввиду значительного числа предметов, положенных по плану преподавания на этом факультете, по 75 коп.». Общая сумма на всех факультетах составляла 20 руб. за полугодие. Этой суммы и рекомендовалось ректору придерживаться [5. 1893. С. 220, 221].

Несостоятельные студенты, не получавшие стипендии, частично освобождались от платы за обучение. В 1897 г. 211 студентов в 1-м полугодии и 176 студентов во 2-м получили пособие в размере от 25 до 65 руб. По данным за 1895, 1896 и 1897 гг. общая сумма пособий в среднем из расчета на 1 студента составила соответственно 63 руб. 70 коп., 67 руб. 48 коп. и 77 руб. 13 коп. [4. С. 17].

По данным Л.И. Смокотиной прожиточным минимумом за счет стипендий и пособий могла быть обеспечена очень незначительная часть студентов. Большинству из них, являвшихся выходцами из малооплачиваемых сословий, не приходилось рассчитывать на помощь от родителей или родственников. За все дореволюционные годы бесплатное образование в университете получили менее 14% студентов от общего числа их [9]. На моральное и физическое состояние студентов сильное влияние оказывали жилищные условия.

В общежитии, построенном по инициативе и при активном участии попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского в основном на собранные им частные пожертвования, в 10 комнатах жили по 1 человеку, в 32 – по 2, и в 2 – по 3 чел. Всего в общежитии проживали от 76 до 80 студентов из числа стипендиатов и «своекоштных». Первые платили за проживание в общежитии по 12 руб. в течение всего года, вторые столько же – за 9 месяцев в году: Из этой суммы 6 руб. вносилось за помещение (с отоплением и прислугой), 6 руб. – за питание и освещение. Жившие в общежитии получали завтрак, обед и ужин: 1,5 ф. белого хлеба и черный хлеб без ограничения – на завтрак, в воскресные дни – пирожки. Обед состоял из 2 блюд (1-го и 2-го); в праздники – из 3, ужин – из котлеты или кружки молока. На одного студента полагалось в день 1,5 ф. мяса с костями, около 1,5 ф. коровьего масла в месяц. Чай и сахар студенты должны были покупать сами. Питались они в общей столовой, под которую было отведено специальное помещение в самом общежитии [2. С. 19, 20].

Большинству студентов из иногородних приходилось довольствоваться проживанием на частных квартирах. Спрос на последние со стороны студентов с каждым годом возрастал с увеличением набора в университет в Томске. К осени 1896 г. на I курс было зачислено около 190 чел., общая численность студентов в 1896–1897 гг. составила 430 чел. К этому времени стал ощущаться за-

метный рост цен на квартиры. Со строительством Сибирской железнодорожной магистрали в Томске выросло население, появились различные административные учреждения, возник спрос на здания под них и на квартиры для служащих. Ближайшая перспектива была связана с открытием технологического института и юридического факультета в университете. Это неизбежно должно было сопровождаться обострением жилищной проблемы для студентов.

На Совете университета с первых лет его открытия стал часто рассматриваться вопрос о посещаемости студентов. Уже на 5 ноября 1888 г. много пропусков оказалось у Скороходова, который по болезни пропустил 60 лекционных часов. Через 7 лет, в 1895 г., он еще продолжал быть студентом, дойдя до V курса, на котором был оставлен на второй год. На основании отзыва профессоров госпитальной терапевтической клиники «о его занятиях неудовлетворительно» в 1895 г. было принято решение об «увольнении» Скороходова из университета [5. 1895. С. 28].

У оставленного на второй год на V курс А. Хилия в 1895 г. было тоже много пропусков и тоже по болезни. Через 2 года он все же смог окончить университет [5. С. 29; 3. С. 172].

В 1891 г. врачебной справкой было засвидетельствовано тяжелое заболевание студента II курса А. Яковлева, страдавшего «малокровием и симптомами от этого: сердцебиениями, удушьем, расстройством нервной системы, упадком сил». Экзамены по всем предметам за второе полугодие II курса Совет университета разрешил перенести на август. Видимо, в дальнейшем не наступило улучшение состояния здоровья, А. Яковлев не смог окончить университет [5. 1891. С. 76].

Тогда же рассматривалась просьба на переэкзаменовку в августе месяце Д. Варлакова, который не смог явиться на экзамен в срок «вследствие нервного расстройства, вызванного исключительными, крайне неблагоприятно сложившимися семейными обстоятельствами». При обсуждении просьбы студента некоторые члены Совета говорили о нем как об «очень усердном и преданном научным занятиям, и хотя студент Варлаков оставался на второй год, но занимался в лабораториях и действительно в последнее время находился в крайне стесненных денежных и семейных обстоятельствах». Совет принял решение ходатайствовать перед попечителем учебного округа о допуске студента к экзамену после каникул [5. 1891. С. 77]. До получения Варлаковым диплома об окончании университета дело не дошло.

В последующие годы каждый раз, когда на Совете рассматривался вопрос о пропусках лекций и практических занятий, большинство студентов ссылались на нездоровье (головные боли, колики, расстройство желудка, ангина, конъюнктивит). Им приходилось из-за плохого самочувствия нередко обращаться к услугам университетского врача. В одном 1897 г. амбулаторное лечение прошли 256 студентов, более 30 прошли лечение в терапевтической клинике [2. С. 18].

Не удавалось избежать заболевания студентам, которые «из-за неимения теплой одежды» иногда пропускали лекции «по целым дням».

Из приглашенных на совет эту причину пропусков занятий называли четверо студентов, в их числе А. Марте-

мьянов, окончивший университет в 1898 г., и П. Нагорский, получивший диплом с отличием в 1911 г. [3. С. 174; 183].

На заседании Совета университета 20 декабря 1894 г. профессор Беликов внес предложение «не считать невольные пропуски лекций по болезни, по неимению теплой одежды препятствием для зачета семестра», без которого не давался допуск к экзаменам. Одновременно другими профессорами высказывались суждения относительно того, что «если студент посещает университет неисправно, есть основания сомневаться в основательности его знаний по семестренным предметам и возникает вопрос, можно ли ему зачесть семестр или нет» [5. 1894. С. 155]. Тогда рассматривалось ходатайство 25 студентов о переносе им экзамена на август месяц.

Совет постановил относительно всех студентов вернуться к рассмотрению вопроса об их дальнейшей судьбе на следующем заседании. В их числе был студент V курса Рафаил Бутыркин, из 63 учебных дней пропустивший 40 дней. Инспекцию члены Совета обязали представить сведения о причинах пропуска занятий каждым студентом [5. С. 156–157].

На заседании Совета 11 января 1895 г. инспектор заявил, что обязанность инспекции состоит в констатации, а не в выяснении причин отсутствия студентов. Тогда было принято решение строже придерживаться положений университетского устава. Им предусматривалось «не засчитывать семестр» в случае пропусков студентом практических занятий и лекций. До этого времени в течение 7 лет функционирования университета Совет при зачете семестра ограничивался «напоминанием и внушением через декана ... наиболее неисправным студентам». Отныне было решено отказаться от этого гуманного принципа и студентам, накопившим много пропусков, не засчитывать семестр.

В отношении 10 прогульщиков III курса было решено обязать их «к сдаче экзаменов по всем предметам» этого курса, а не только по фармакологии и общей патологии, как предусмотрено программой. Р. Бутыркин позднее, 30 мая того же года, был отчислен из университета.

О неблагоприятии с состоянием здоровья студентов красноречиво свидетельствуют данные за 1896 и 1897 гг., когда в терапевтической клинике прошли лечение соответственно 24 и 31 студент, амбулаторное у университетского врача – 282 и 225 чел.

Наибольший процент заболеваний приходился на болезни уха, горла, носа, гортани, бронхов (93 и 75 случаев заболеваний). Высоким был уровень заболеваний желудочно-кишечного тракта, нервных и венерических болезней.

Преобладание болезней дыхательных органов и повышение среди студентов уровня заболеваний туберкулезом по сравнению с последним в «воинских присутствиях», по признанию администрации университета, являлось следствием «крайне дурных условий», в которых жили студенты на частных квартирах. Им приходилось ютиться на квартирах беднейшей части городских жителей [1. С. 18, 19].

Студентом Ф.А. Киркевичем было проведено обследование частных квартир, на которых жили студенты университета. Необходимость проведения такого рода обследования была продиктована пониманием влияния

бытовых условий на успеваемость студентов, а главное – на состояние их здоровья. С 6 февраля по 30 марта Ф.А. Киркевич познакомился с условиями проживания 75 студентов. Из них по одному в комнате жили 11 чел., по два – 23 чел. и по три – в 6 комнатах. Всего было обследовано 40 комнат, снимавшихся студентами по улицам: Солдатской (современная ул. Красноармейская), Жандармской (ул. Гоголя), Нечаевской (пр. Фрунзе), Никитинской, Еланской (ул. Советская), Торговой (ул. Вершинина), Черепичной (ул. Крылова), Ерлыковской (ул. Герцена), Буткеевской (ул. Усова), Спасской (ул. Советская), Источной (от ул. Татарской до Московского тракта); в переулках Затеевском, Даниловском, Макаровском и по Московскому тракту.

В большинстве своем студенты жили на густонаселенных, грязных улицах, на части из них – «при полнейшем отсутствии тротуаров и мостовых».

Лишь одна комната снималась на I-м этаже каменного дома. Все остальные снятые студентами комнаты находились в небольших, старых деревянных домах.

Оказалось, что лишь в редких случаях квартиры сдавались их хозяевами. Чаще всего студентами снимались кем-то арендованные квартиры. Арендаторы сдавали свободные комнаты на разных условиях – «со столом», «без стола» или «с прикуской» (хлебом и печеньем к утреннему и вечернему чаю). Студенты-квартиранты жили в комнатах, полученных из вторых рук, что отражалось на ценах за проживание в них.

Из 75 студентов больше всего оказалось первокурсников – 38 чел.; второкурсников и третьекурсников было по 10 чел., с IV курса – 4, и пятикурсников – 13.

Одиннадцать комнат были отделены от соседних помещений (жилой комнаты, кухни или прихожей) неплотной, иногда даже не доходящей до потолка перегородкой. В шести комнатах оказались ничем не оклеенные, слегка отесанные деревянные стены. Между давшими трещины бревнами торчали клочки мха, пакли. В щелях бревен обитали тараканы и клопы. «Пятна плесневых грибов» дополняли «общую пеструю картину таких стен», – заключил обследователь. В более старых домах на покосившемся полу через дыры и щели между половицами свободно проникал «холодный, часто затхлый, подвальный воздух». Большинство осмотренных комнат не отвечали минимальным требованиям по объему площади на одного человека. В 28 комнатах, недостаточных по объему, проживало 55 чел.

Степень естественного освещения также была ниже нормы. Перед окнами снятых комнат нередко оказывались высокий забор, стены соседнего дома, деревья. Стекла окон в некоторых домах оказались покрытыми толстым серо-матовым слоем льда, не пропускавшим свет. Зимние оконные рамы с густым или широким переплетом также препятствовали нормальному освещению комнат в дневное время.

В вечернее и утреннее время комнаты освещались керосиновыми лампами. Лишь одна квартира освещалась стеариновой свечой. В редких комнатах зажигались две лампы, в большинстве из них горела одна лампа для нескольких человек.

В 26 квартирах комнаты обогревались голландской, в 6 – русской печами, которые не обеспечивали теплом

все комнаты дома. Поэтому, кроме русской печи, в 5 снимаемых студентами комнатах стояли еще железные печи, которые в холодное время приходилось протапливать по 2–3 раза в сутки. Некоторые квартиранты сообщили, что в холодное время зимой температура в комнате опускалась до 5–6 и даже до 3 градусов.

На состоянии здоровья студентов сказывались неблагоприятно как излишняя влажность, так и то, что некоторые комнаты были «ненормально сухими».

Только в 3 из 40 обследованных комнатах имелись форточки для их проветривания, но в зимние месяцы из-за холода ими не пользовались. Лишь при одной квартире был теплый туалет, находившийся в другом доме, куда надо было ходить через двор.

Неблагоприятно на чистоте воздуха сказывалась недостаточная изоляция комнат от соседних помещений. Почти в 30 комнатах размер помещения в кубических метрах оказался ниже необходимой нормы, в 14 комнатах – недостаточная степень освещения, повышенная влажность – в 18 комнатах, в том числе в 8 комнатах – чрезмерная влажность.

Обследование пришлось ограничить знакомством с условиями проживания студентов на вышеперечисленных улицах. С наступлением весны и распутицей доступ к другим студенческим квартирам стал затруднительным. Хотя «сравнительно небольшое число исследованных квартир» не могло дать «полной картины достоинств и недостатков в гигиеническом отношении всех студенческих помещений в городе», но даже по полученным Ф. Киркевичем сведениям можно судить, в каких условиях жили студенты на частных квартирах, расположенных значительно ближе к университету по сравнению с теми, которые остались не обследованными [10].

В декабре 1894 г. на Совете университета от всех студентов, пропустивших за семестр более 25% занятий, потребовали объяснения причин. Сокольников (третьекурсник), Резников и Мартемьянов (оба со II курса) заявили, что пропустили лекций меньше, чем отмечено в списке. Живя на квартире далеко от университета, они опаздывали, появлялись на лекции через 15 мин после ее начала, когда уже завершался учет присутствующих служителем инспекции. Резников и Соколов, как и многие другие студенты, пропускали лекции из-за уроков, которые служили для них источником существования [5. 1894. С. 155].

В абсолютном большинстве своем студентам приходилось совмещать учебу с работой. Можно считать, что везло тем, кому удавалось устроиться лаборантом в университете. Это не только давало возможность заработка, но очень помогало в профессиональной подготовке будущего медика.

В январе 1893 г. Совет университета дал согласие на трудоустройство студента V курса И. Коровина «за его содействие профессору Попову при судебно-медицинских вскрытиях и за работы при занятиях со студентами в судебно-медицинской лаборатории», назначив «вознаграждение по примеру получаемого другими студентами в качестве ассистентов» по 20 руб. в месяц с 1 января 1893 г. [4. 1893. С. 200].

В конце декабря того же года профессор А.С. Догель доложил Совету, что он в течение нескольких лет не имел лаборанта. Вести практические занятия и готовить пре-

параты для 80 студентов без лаборанта невозможно. В 1891 г. он получил разрешение взять себе в помощники студента П. Королькова, который с I курса занимался гистологией. Выполняя обязанности лаборанта, в течение двух лет получал по 20 руб. в месяц. За пять лет занятий гистологией П. Корольков, по отзыву профессора, настолько «успел познакомиться с самим предметом и способом ведения занятий в лаборатории», что получил «хорошую научную подготовку и практический навык». В студенческие годы он опубликовал две работы, за одну из которых получил золотую медаль. А.С. Догель просил назначить выпускника 1893 г. П. Королькова на штатную должность лаборанта при кафедре гистологии [5. 1893. С. 74–75].

По предложению профессора П.В. Буржинского Совет университета согласился принять на должность ассистента при кафедре фармакологии в 1895 г. студента V курса К.Ф. Архангельского. До этого он помогал профессору в экспериментах над животными [5. 1895. С. 32].

В ноябре 1897 г. профессор И.С. Поповский просил Совет допустить к работе на кафедре нормальной анатомии студента V курса Р. Дикштейна. Он был сыном военного врача Томского военного госпиталя. С начала учебного года стал усердно заниматься нормальной анатомией, помогая профессору в приготовлении препаратов для лекций, в инфицировании трупов. Предложение И.С. Поповского Совет поддержал (с вознаграждением студента за его работу по 20 руб. в месяц) [5. 1897. С. 55].

В октябре 1898 г. профессору Н.Ф. Кашенко было временно разрешено на 10 месяцев использовать одного из студентов в качестве препаратора за ту же плату [5. 1898. С. 34].

Для части студентов большим подспорьем были именные стипендии. В крайне тяжелой ситуации находился выходец из Архангельской губернии, сын священника А. Азбукин. Отец его умер, когда мальчику было всего 6 лет. Поступив в Томский университет в 1904 г., на III–V курсах А. Азбукин получал стипендию коммерции советника З.М. Цибульского имени императора Александра II. На III курсе он работал учителем искусств в Томском женском двухклассном училище Министерства народного просвещения, а также проходил врачебную практику в отделе Сибирской железной дороги.

Под руководством профессора кафедры нормальной анатомии Г.М. Иосифова А. Азбукин активно участвовал в изготовлении новых и в приведении в порядок старых музейных анатомических препаратов. Установлено, что почти все сухие препараты по кровеносной системе сосудов и часть костей черепа, хранящиеся в настоящее время в музее анатомии СГМУ, были раскрашены Азбукиным в его студенческие годы. Он копировал рисунки, помещенные в анатомическом атласе, в увеличенном виде для демонстрации их в аудитории [8. Т. 2. С. 24–25].

Будущий профессор Томского университета Н.И. Березнеговский, выходец из семьи священника, из Тамбовской губернии, с отличием окончил университет. В студенческие годы, как и А. Азбукин, получал стипендию имени императора Александра II из фонда коммерческого советника З.М. Цибульского [8. Вып. I. С. 37].

Исключительный интерес представляет путь в науку участников студенческих волнений конца XIX в.

Сын священника, выпускник Томского духовного училища (1892) и семинарии (1898) П.А. Ломовицкий, став студентом I курса, принял участие в студенческих волнениях 1899 г. Отчисленный правлением университета, в августе этого же года был вновь принят на I курс. В 1904 г. с отличием окончив университет, оказался в штате медицинского факультета. В 1920 г. стал профессором кафедры терапевтической факультетской клиники [8. Т. 2. С. 274–275].

В 1896 г. в числе студентов университета оказался Е.И. Неболюбов, сын священника, выпускник Симбирской духовной семинарии. С III курса был отчислен за участие в студенческих волнениях 1899 г., но вскоре восстановлен и в 1902 г., окончив университет с отличием, был зачислен в штат факультетской детской клиники. В течение многих лет работу в университете совмещал в разные годы с выполнением обязанностей врача по вольному найму, штатного врача в Первом Сибирском коммерческом училище в Томске, врача томских губернских мужских гимназий. Длительное время был врачом и казначеем Томского общества «Ясли» [8. Т. 2. С. 309].

Сын священника из Семипалатинской области, выходец из многодетной семьи, в которой было 6 детей, К.Н. Завадовский по окончании Томских духовного училища и семинарии в 1896 г. поступил в университет. Был исключен за участие в студенческих волнениях, затем восстановлен; окончил университет с отличием в 1902 г. На III курсе получал стипендию действительного статского советника М.А. Гилярова, на IV курсе – стипендию «Торгующего через Кяхту купечества, в память посещения Сибири в 1891 году Его Императорским Высочеством Государевым Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем». В студенческие годы активно участвовал в научно-исследовательской работе в области психиатрии под руководством профессора М.Н. Попова. Пройдя большой путь практической работы с 1902 г. в качестве врача инфекционной больницы Томской общины сестер милосердия Красного Креста, ординатора при университетской клинике нервных и душевных болезней, в течение 1906–1908 гг. – стажировку в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, все последующие годы трудился в университете, став после революции профессором кафедры факультетской терапевтической клиники [8. Т. 2. С. 140–141].

Ставший профессором кафедры кожных и венерических болезней А.А. Боголепов, из семьи священника Вологодской губернии, будучи студентом III курса также попал под исключение из университета как участник волнений 1899 г., но, как и другие студенты, тоже был восстановлен. А по окончании университета в 1902 г. с отличием как проявивший в студенческие годы большой интерес к изучению кожно-венерических болезней был оставлен для работы лаборантом при университетской клинике кожных и венерических болезней. Как и многим сотрудникам университета тех лет, выпало на его долю побывать в течение двух лет во Франции и Германии [8. Т. 2. С. 54–55].

И. Валединский, сын священника Владимирской епархии, выходец из многодетной семьи во время учебы во Владимирской духовной семинарии, успел ознакомиться с сочинениями В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского. Скопив денежные средства за вре-

мя работы по окончании духовной семинарии письмоводителем в канцелярии Епархиального училищного совета Владимирской губернии, он в 1895 г. поступил в университет. С 1 июля 1896 г. ему была назначена стипендия им. Н.В. Васильева в размере 87 руб. 40 коп. в год. Плату за лекции на счет университета в размере 100 руб. в 1896 г. перевело правление товарищества ситценабивной мануфактуры Иваново-Вознесенска. За участие в студенческих волнениях исключенный в 1899 г. в том же году был восстановлен.

Материальной помощи, которую он получал в виде стипендии и платы за лекции, не хватало на жизнь. В студенческие годы И. Валединский совмещал учебу с работой в качестве фельдшера в местной переселенческой организации. По окончании университета в 1901 г. Владимирское земство пригласило его на работу участковым сельским врачом. Через год он стал фабричным врачом одной из фабрик Иваново-Вознесенска. В 1903 г. по приглашению профессора А.Е. Смирнова И. Валединский возвращается в университет, где проработал многие годы, пройдя путь от сверхштатного ассистента при кафедре гистологии и эмбриологии, ассистента и приват-доцента кафедры частной патологии и терапии и терапевтической госпитальной клиники, с ноября 1919 г. – экстраординарного профессора кафедры частной патологии и терапии – до отъезда из Томска в Воронеж в 1923 г. [8. Т. 2. С. 82–83].

Нелегкий жизненный путь до поступления в университет прошел П.И. Чистяков, сын пономаря. Родился он в Енисейской губернии. Его брат Петр в 1898 г. окончил Томский университет. В 1873 г., когда Павлу Чистякову было всего 6 лет, во время эпидемии тифа умер его отец. В 1882 г. он окончил Красноярское духовное училище, через 6 лет – Томскую духовную семинарию. Из-за недостатка материальных средств пришлось пока отказаться от поступления в университет и пойти работать. В течение 3 лет до июля 1891 г. П. Чистяков работал в качестве надзирателя за учениками Красноярского духовного училища и почти одновременно – делопроизводителем Совета Красноярского епархиального женского училища. Более 4 лет (с сентября 1891 по декабрь 1895 г.) был учителем сельской церковно-приходской школы, одновременно в 1891–1894 гг. – псаломщиком при местной церкви в с. Анашинском. С декабря 1895 по июнь 1896 г. работал секретарем Енисейского епархиального архиерея. Скопив немного денег и сделав небольшой заем в 29-летнем возрасте, П. Чистяков становится в 1896 г. студентом университета, но за участие в студенческих волнениях его исключают. В течение нескольких месяцев до восстановления в университете работает письмоводителем в акцизном управлении. Получал на III курсе стипендию Кяхтинского купечества, на IV – частную стипендию потомственного почетного гражданина А.Н. Некрасова. Окончив университет с отличием в 1902 г., стал работать в офтальмологической клинике университета. В течение 1903–1909 гг. выезжал сначала в качестве помощника, а с 1905 г. руководителем летучих глазных отрядов в различные уезды Казанской, Пермской, Вятской губерний для борьбы с трахомой. В 1910 и 1914 гг. выезжал за границу, где посетил офтальмологические клиники Германии, Швейцарии, Австрии. С 1920 г. до отъезда из Томска в 1923 г. в Пермь

П.И. Чистяков был профессором кафедры офтальмологии с клиникой [8. Т. 2. С. 479–480].

Значительной части материально необеспеченных студентов в поисках средств для жизни приходилось сочетать учебу с работой, чаще всего не связанной с профессиональной подготовкой.

Из числа студентов нанимался псаломщик университетской церкви, регент хора. Певчими в хоре также устраивались студенты [2. С. 130, 145; 5. 1895. С. 25].

Нуждавшимся в заработках очень трудно было куда-нибудь устроиться. Об этом свидетельствуют публикации объявлений о поисках работы студентами университета.

В течение одного 1908 г. многочисленные объявления были опубликованы на страницах «Голоса Томска». 17 января студент университета объявил, что «ищет уроков или других каких-либо занятий. Может успешно репетировать и готовить в младшие классы учебных заведений» [11. № 14]. На следующий день другой студент, «опытный репетитор», предлагал свои услуги в подготовке «за полный курс средних учебных заведений» [11. № 15]. 23 января студент извещал, что «находится в крайне критическом положении и покорнейше просит томских граждан дать какое-нибудь занятие, письменную работу или уроков» [11. № 19].

Снимавший квартиру во флигеле по ул. Магистратской № 49 студент П-ов Н. соглашался давать уроки «за стол и комнату» [11. № 22]. 30 января студент заявил, что «готовит и репетирует по всем предметам курса средних и низших учебных заведений». Найти его можно было по адресу Нечаевская, 37, спросив студента. С. Погожев и В. Морви не постеснялись представиться: «находясь в безвыходном положении» и «крайне нуждающийся» искали возможность давать уроки [11. № 29]. П. Богословский в марте предлагал свои услуги в подготовке специально по латинскому и русскому языкам и по физике [11. № 56]. Еще один студент по всем предметам средних учебных заведений обещал успешно готовить, особенно по математике, латинскому, французскому и немецкому языкам [11. № 86]. Снимавший квартиру по ул. Черепичной, 12, кв. № 1, Т-ев готов был обеспечить репетирование по французскому, немецкому языкам и математике в объеме гимназического курса [11. № 182].

Б. Тихомиров от своего имени, от имени своих друзей, нуждавшихся студентов, предлагал услуги «в хор, тенор и баритон». Сам он окончил университет в 1912 г. [11. № 186; 3. С. 184]. В июне 1908 г. Е. Волконский и Л. Небосклонов поместили объявление: «готовят детей группами и отдельно с языками: английским, немецким, французским. Исправляем малоуспешных по всем новым и древним языкам словесности (составление сочинений), арифметике, геометрии, физике, химии». Оба они закончили университет с отличием, Е. Волконский в 1910 г., Л. Небосклонов в 1912 г. [11. № 118; 3. С. 182, 185]. Среди студентов был способный давать уроки танцев у себя на дому и в частных домах [11. № 245].

Однотипные объявления делались разными студентами. В сентябре 1913 г. Н. Дронов, «не имея средств учиться», предлагал услуги по подготовке детей «за стол и квартиру». Может быть, ему было не под силу оплачивать проживание по ул. Гоголевской, 40, кв. № 2 [12. № 28].

Насколько трудно было студентам найти возможность давать уроки, можно судить по тому, что им приходилось вновь и вновь предлагать свои услуги через газету. Это признавалось и публично. «Голос Томска» давал совершенно объективную информацию: «насколько велика нужда среди учащихся высших учебных заведений: в одно семейство на объявление, приглашающее репетитора, в течение часа объявлялось более 20 студентов, соглашавшихся на вознаграждение самого малого размера» [11. № 147].

Не всегда выполненная студентами работа могла быть оплачена. 9 ноября 1908 г. участники студенческого оркестра университета обеспечили музыкальное сопровождение спектакля, исполненного труппой, привезенной в Томск артистом Императорских театров М. Петипа. Однако обещанных денег внезапно покинувший Томск М. Петипа не заплатил [11. № 246, 251].

Самодельный университетский оркестр, возглавлявшийся с 1893 г. профессором П.В. Буржинским, давал не только платные концерты, но и бесплатные с благотворительной целью. Последняя не предусматривалась в случае участия оркестра в спектакле М. Петипа [8. Вып. 1. С. 66].

Тем, кому в конце концов оказывалось не по возможностям получить университетское образование, приходилось трудоустроиваться в качестве канцелярских служащих, столоначальников, служащими губернского суда [13. 1890. № 38; 1891. № 5; 24].

Материальное положение с годами не улучшалось. Увеличение числа студентов не сопровождалось ростом числа казенных стипендиатов. Более того, шло удорожание проживания в общежитии. В 1903 г. плата составила 16 руб. Со второй половины 1907 г. студенты отказались от получения «съестного удовольствия» в столовой общежития. Тогда повысилась стоимость проживания в нем: в одиночных комнатах до 9 руб., двойных – до 8 руб., в тройных – до 7 руб. с человека. С проведением электричества, установкой телефона и устройством душа – соответственно до 12, 10, 8 руб. [3. С. 219].

Зарботки студентов были небольшими. В самых удачных случаях они составляли до 1/3 их бюджета. Работа выполнялась студентами самая разнообразная. Кроме репетиторства, многие старались попасть на службу в управлении Сибирской железной дороги для выполнения канцелярской или чертежной работы, переписки бумаг. Кому-то удавалось устроиться так, что они «пользовались столом в семьях, где давали уроки». Немного денег зарабатывали разгрузкой на пристани и вокзале, выполняя работу носильщиков, маляров, швейцаров. Как уже отмечалось, обладавшие хорошим голосом пели в церковных хорах, другие работали врачами, фельдшерами. Помощь родных в среднем составляла немногим более 60 руб. в месяц [9. С. 44, 47].

Без помощи от частных жертвователей и благотворительных обществ очень многие студенты не могли бы учиться. В 1913 г. университет располагал 600 тыс. руб. стипендиального капитала. Из него студентам ежегодно выдавалось более 21 тыс. руб. Многие студенты были стипендиатами городских и общественных управлений или получали казачьи стипендии.

Часть несостоятельных студентов, не получавших стипендий, освобождались от платы за обучение или по-

лучали для этой цели ссуды и пособия из благотворительных капиталов, составлявших 10 тыс. руб.

Возникшие в 1907 г. землячества также оказывали материальную помощь несостоятельным студентам за счет выручки от концертов, вечеров, спектаклей. Всего к концу 1913 г. землячествами было собрано за 6 лет около 40 тыс. руб. [4. С. 14, 15].

Материальное положение студентов немного облегчалось благодаря бесплатному медицинскому обслуживанию со стороны университетского врача и бесплатной выдаче лекарств по его рецепту.

С начала 90-х гг. были введены для студентов льготы на железнодорожный проезд (на рождество, пасху и летние каникулы) – 50%-ная скидка.

С 1895 г. размер скидки был увеличен: чем дальше ехать нужно было студенту, тем большая скидка предоставлялась на расстоянии проезда в один конец до 900 верст. А в 1912 г. была введена 50%-ная скидка независимо от расстояния.

В научные экспедиции студенты по железной дороге ездили бесплатно. Даже окончившие университет в течение 4 месяцев имели право бесплатного проезда [3. С. 49–50].

Прием в университет выпускников духовных семинарий оправдал себя. Они оказались более трудолюбивыми, лучше выходцев из других сословий учились, чаще награждались медалями за научные работы, получали дипломы с отличием. Двадцатипятилетняя история университета свидетельствует о том, что семинаристы Европейской России не только составляли большинство студентов университета, но были лучше подготовлены к учебе в вузе.

Студенты университета жили трудно в материальном отношении и интересно в плане возможностей для получения высокого уровня квалификации.

Иногда их захватывала стихия волнений, имевших место в период политической активности российского и в целом томского студенчества в конце XIX в., в период Первой русской революции, когда даже прекращались занятия в университете [13. С. 75–88; 14. С. 169–178]. Но основное содержание их жизни определялось направлением усилий на овладение профессией.

К концу XIX – началу XX в. относится очень важный период становления и развития высшего образования в Томске. Результаты огромной созидательной работы профессоров и студентов уже в то время заметно отразились на жизни населения в разных, даже очень отдаленных уголках восточной окраины России.

Выпускники университета оказались хорошими специалистами и очень преданными своему делу, способствуя не только оказанию помощи в улучшении здоровья людей, но и развитию культуры населения.

Выпускник 1894 г. киргиз по национальности врач Амре Дурманович Айтбакин в студенческие годы занялся решением вопроса о лечебных свойствах кумыса. В 1892–1893 гг. он ездил на родину в Павлодарский уезд, где по специальному заданию профессора А.И. Судакова занимался стерилизацией кумыса. Но в 1892 г. большая часть бутылок при доставке кумыса в Томск разбилась. А в неразбитых бутылках жир собирался в комок, кумыс оказался непригодным к употреблению. В следу-

ющем году Айтбакину повезло. Он привез в Томск 50 бутылок доброкачественного кумыса. Хранившийся в течение 8–9 месяцев при температуре 10–15°, он представлял собой сильно пенящуюся жидкость с приятным кислотным вкусом. Для его экспертизы Айтбакин пригласил одного томского купца из татар, который не смог по вкусу отличить долго хранившийся кумыс от свежеприготовленного. Результат исследования оказался очень значимым – было доказано, что стерилизованный кумыс по своему составу не отличается от свежизготовленного [5. 1894. С. 137]. Представленное Айтбакиным на конкурс сочинение на тему «Изменение кумыса при стерилизации и составе стерилизованного кумыса» в 1894 г. было отмечено серебряной медалью [3. С. 171, 201]. Об огромном авторитете Каракалинского врача А.Д. Айтбакина и его влиянии на киргизов всего уезда писалось в газете «Восточное обозрение» [1. С. 11–12].

Сам он сохранил добрую память об университете, которому в 1896 г. ко дню Храмового праздника 22 октября прислал телеграмму: «Поздравляю дорогой университет с годовым праздником. Врач Айтбакин» [5. 1896. С. 34].

К этому дню в университет пришли телеграммы от бывших его выпускников И.П. Коровина, окончившего университет в 1893 г. Он писал: «Полный благодарных чувств шлю искренние поздравления родному Университету».

Прислал «дорогой альме матрис сердечный привет, тысячи пожеланий учителям, профессорам и студентам», пожелание «успеха и счастья в жизни молодым товарищам. Признательный питомец. Курганский земский врач» В.Ф. Сосунов.

Поздравление с праздником и пожелание «процветать родному Университету» пришло от врача А.Н. Григорьева с Сахалина. Университет поздравлял «с восьмой годовщиной плодотворного служения дорогой родине», желая «скорейшего открытия других факультетов, чтобы Университет мог жить более полною жизнью» врач пятого батальона из Пржевальска Н. Петров. Благодарное воспоминание за то, что он впервые дал семинаристам доступ к медицине, сохранил А.Н. Мишкевич [5. 1896. С. 34].

Немного проработал в университете профессор П.М. Альбицкий на кафедре общей патологии – с 1 января 1890 по 11 августа 1891 г. Но за это короткое время пребывания на факультете он оставил глубокий след своими исследованиями в созданной и оснащенной им необходимым оборудованием лаборатории общей патологии. П.М. Альбицкий явился одним из основоположников школы патофизиологов при университете. Оставив Томск, он не порывал связей с университетом и своими учениками и коллегами по научной работе [5. С. 34]. В приветственной телеграмме из Санкт-Петербурга в октябре 1891 г. профессор писал: «Шлю привет дорогому университету..., исполненный любви и благодарности и самой горячей уверенности, что жизнь нашего молодого прекрасного университета разольется могучим и чистым потоком, который внесет свою свежесть и силу во всю русскую университетскую жизнь» [8. Т. 2. С. 26, 27].

Приведенными материалами, естественно, не исчерпывается анализ повседневной жизни студентов универ-

ситета на рубеже XIX–XX вв. Само понятие «повседневная жизнь» – безгранично широкое. Оно включает все, что происходит с каждым человеком от его рождения до ухода из жизни. Тем более когда речь идет не об одном

человеке, а о тысячах людей, сохраняются возможности многократного возвращения к проблеме повседневной жизни студентов Томского университета дореволюционного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Торжество* открытия юридического факультета Императорского Томского Университета // Годичный акт в Императорском Томском Университете 22 октября 1898 года. Томск, 1899.
2. *Отчет* о состоянии Императорского Томского Университета за 1897 г. // Годичный акт в Императорском Томском Университете 22 октября 1898 года. Томск, 1899.
3. *Краткий* исторический очерк Томского Университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1917.
4. *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского Университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913.
5. *Журнал* заседания Совета Императорского Томского Университета. 1895–1898.
6. *Свод* постановлений Томской городской думы.
7. *Голос* Томска, 1908.
8. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь. Вып. I. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996; Т. 1; 1998. Т. 2.
9. *Смокотина Л.И.* Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994.
10. *Киркевич Ф.А.* О помещениях студентов в частных домах города Томска // Известия Императорского Томского Университета. Кн. 13. Томск, 1898. С. 1–19.
11. *Томский* вестник. 1913.
12. *Томские* губернские ведомости. 1913. № 28.
13. *Томский* университет (1880–1980). Томск: ТГУ, 1980.
14. *Томск.* История города от основания до наших дней. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

Статья поступила в научную редакцию «История» 15 января 2004 г.